Н.Д.Кочеткова

Русский сентиментализм и масонство

Масонство проникло в Россию уже в конце XVII - начале XVIII века, но наиболее значительной для развития русской культуры оказалась деятельность масонского кружка, объединившегося в 1770-1780-е годы вокруг Николая Ивановича Новикова (1744-1818). Хронологически этот период совпадает с формированием русского сентиментализма. Несмотря на арест Новикова в 1792 г. и преследование его ближайших сподвижников со стороны правительства Екатерины II, многие масонские идеи продолжают оказывать воздействие на литературу, которое усиливается с восшествием на престол в 1796 г. Павла I и сохраняется в первые десятилетия при Александре I. В 1822 г. масонские ложи официально запрещаются, но религиозно-нравственные искания масонов привлекают к себе внимание новых и новых поколений русских философов, писателей, деятелей искусства.

До 1820-х годов развивается и русский сентиментализм, постепенно начиная занимать уже периферийное место в общем литературном процессе, но сохраняя историко-культурное значение и передавая свои важнейшие художественные достижения лучшим писателям XIX века: Пушкину, Гоголю, Тургеневу, Достоевскому, Толстому.

Итак, хронологически оба явления в значительной мере совпадают, что обусловлено и одновременным интенсивным восприятием европейского опыта, как в масонстве, так и в литературе. Однако было бы слишком поспешным и ошибочным заключение о непосредственном подчинении творчества сентименталистов идеям, сформировавшимся в масонской среде. Определенная соотнесенность и даже некоторая зависимость здесь безусловно существовала, но эти отношения оказывались достаточно сложными, а иногда и противоречивыми. Масонство и сентиментализм - это как бы разные сферы, тесно

соприкасающиеся, даже частично накладывающиеся друг на друга, но далеко не совпадающие.

Характерно, что многие масоны и особенно участники Новиковского кружка деятельно занимались литературой: сам Новиков и его ближайшие сподвижники: Федор Петрович Ключарев (1755 - 1822), Алексей Михайлович Кутузов (1746 или 1747 - 1797), Алексадр Федорович Лабзин (1766 -1825), Иван Владимирович Лопухин (1756 - 1816), Максим Иванович Невзоров (1762 или 1763 - 1827), Александр Андреевич Петров (около 1763 -1793). Одним из родоначальников русского сентиментализма был видный масон Михаил Матвеевич Херасков (1733 -1807), оказавший большое влияние на несколько поколений литераторов. В то же время характерные для масонства идеи, темы, мотивы обнаруживаются в произведениях писателей, о принадлежности которых к масонским ложам ничего неизвестно. Литераторы-современники - масоны и не масоны - достаточно тесно общались, участвовали в одних и тех же журналах, читали и обсуждали одни и те же книжные новинки. Дружеские связи, завязавшиеся в юности, у многих сохранялись независимо от участия или неучастия в масонских объединениях.

Особый характер русскому масонству придавало то обстоятельство, что Новиков и его сподвижники взяли на себя задачи, далеко выходящие за пределы собственно масонской деятельности. Жизнь Хераскова на протяжении не одного десятилетия связана с Московским университетом: в 1760-е годы он был его директором, с 1778 г. - куратором (попечителем). Вполне закономерно, что Херасков сблизился с Новиковым: их объединяла не только принадлежность к одной масонской системе - розенкрейцерству, но и стремление всячески содействовать развитию русской культуры и образованности. В 1779 г. Херасков отдал Новикову в аренду на десять лет типографию Московского университета, университетскую книжную лавку и газету “Московские ведомости”. Так называемое “золотое десятилетие” (1779-1789) Новикова было ознаменовано небывалым дотоле в России размахом работы арендованной им типографии и

оживлением книжной торговли в Москве, Петербурге и многих других городах.[1]

Все это способствовало знакомству русских читателей с произведениями европейского сентиментализма. Хотя они занимали достаточно скромное место среди тех многочисленных и весьма разнородных изданий, которые вышли из типографии Новикова, в выборе сочинений для перевода и публикации можно проследить определенные тенденции. Как отметил один из лучших исследователей русского масонства Г.В.Вернадский, эти сочинения носят “больший или меньший оттенок сентиментализма”.[2] Явственно обозначается интерес к творчеству Ж.-Ж.Руссо, С.-Ф.Жанлис, Х.Ф.Геллерта, С.Геснера, Дж.Томсона, Э.Юнга. Переводы из этих авторов появляются в журналах, издававшихся Новиковым в период его масонской деятельности: “Утренний свет” (1777-1780), “Московское ежемесячное издание” (1781), “Вечерняя заря” (1782), “Детское чтение для сердца и разума” (1785-1789).

В статье, открывавшей журнал “Утренний свет”, Новиков писал: “Я думаю, что лучшим предметом настоящих трудов наших избрать не можем, как *сердца* и *души* возлюбленных наших единоземцев”.[3] Здесь же говорилось о значении “науки познания самих себя”, “требующей великого прилежания”.[4] Подобные высказывания отражали круг собственно масонских представлений и вместе с тем повторяли мотивы философской лирики Хераскова

---

[1] См.: Светлов Л.Б. Издательская деятельность Н.И.Новикова. Москва, 1946; Мартынов И.Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. Москва, 1981; Marker G. Publishing, Printing and the Origins of Intellectual Life in Russia, 1700-1800. Princeton, 1985. P.122-134.

[2] Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Издание 2-е, исправленное и расширенное. Под редакцией М.В.Рейзина и А.И.Серкова. С.-Петербург, 1999. С.163-164. Первое издание: Петроград, 1917.

[3] Утренний свет. 1777. Ч.1. С.IX.

[4] Там же. С.XII.

1760-х годов, являвшей ранний этап русского сентиментализма. В стихотворении “Чтение” (1769) поэт писал:

Останься в таковой надежде,
Что Вышний просветит тебя,
Однако ты старайся прежде
Познати прямо сам себя.[5]

Проповедь умеренности, презрения к мирским благам, призывы следовать по пути добродетели - масонские темы, получающие дальнейшее развитие у писателей-сентименталистов 1770-1780- годов. Продолжая выступать в печати и в следующие два десятилетия с произведениями самых разных жанров (пьесы, поэмы, романы), Херасков органически соединяет масонскую символику, понятную лишь посвященным, с общефилософскими нравственными темами, которые могли заинтересовать самый широкий круг читателей.[6]

Масонов интересует “внутренний человек”- его душевная жизнь, переход от одного состояния к другому, оттенки чувств, их взаимодействие. Программной в этом отношении оказалась статья “О приятности грусти”[7] - перевод Кутузова из Геллерта (“Von den Annehmlichkeiten des Missvergnugens”). Пристальное самонаблюдение открывало совершенно новые, дотоле неизвестные возможности психологического анализа, которые

---

[5] Херасков М.М. Философические оды или песни. Москва, 1769. С.67.

[6] См.: Давыдов Г.А. Поэзия М.М.Хераскова и религиозные искания русских масонов // Масонство и русская литература XVIII - начала XIX вв. Москва, 2000. С.139-142.

[7] Московское ежемесячное издание. 1781. Ч.3. С.143-153. Как это часто бывало в периодике того времени, здесь не указывался источник перевода. Статья атрибутирована проф. П.Брангом. См.: Brang P. A.M.Kutuzov als Vermittler des westeuropaischen Sentimentalismus in Russland // Zeitschrift fur slavische Philologie. 1962. Bd.30. H.2. S.44-57.

были так важны для писателей нового направления, провозглашавшего культ чувства.

В выборе произведений для перевода проявлялась явная целенаправленность: переводилось то, что помогало выявить, осознать, утвердить представления, порой еще смутные, но уже формировавшиеся в среде русских масонов-литераторов. Характерно, например, признание того же Кутузова в письме к И.Тургеневу от 13 сентября 1782 г.: “Ты знаешь тихий, молчаливый и от природы к меланхолии склонный нрав мой”.[8] Тема грусти, меланхолии, соединенной с мечтательностью, становится одной из важнейших в литературе сентиментализма.

Письма и дневники, с одной стороны, предваряют некоторые явления, характерные для развития литературного процесса, с другой, - отражают веяния, принесенные новым направлением. Конечно, это общее наблюдение имеет отношение не только к масонской эпистолярной культуре, но именно в масонской среде культивируется тип письма-исповеди, дневника-исповеди. Формирование подобных жанров происходило постепенно и достигло своего расцвета именно в Новиковском кружке масонов-розенкрейцеров. Если в дневнике масона Алексея Яковлевича Ильина, относящемся к 1775-1776 годам, кратко упоминались его встречи с “братьями”, праздники и ужины в ложе,[9] то переписка и дневниковые записи участников Новиковского кружка 1780-1790-х годов отражают их напряженные нравственные искания, попытки понять себя, свой характер, осознать свои слабости и пороки, проанализировать свои отношения с другими людьми. Характерны,

---

[8] Письма Алексея Михайловича Кутузова к Ивану Петровичу Тургеневу. Подготовка текста и примечания В.В.Фурсенко. Вступительная статья Ю.Лотмана // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1963. Вып.139. Труды по русской и славянской филологии.VI. С.299.

[9] Из дневника масона 1775-1776 гг (А.Я.Ильина). Предисловие и публикация В.И.Саввы // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1908. Ч.4. С.1-15.

в частности, строки из упоминавшегося письма Кутузова: “Опыт доказал мне, любезный друг, что желая угодить людским мнениям, никогда не можно быть покойну. Всего лучше советовать во всех случаях с совестью своею: она-то есть судия наисправедливейший, естли только страсти наши не заглушили глас его”.[10] В переписке Кутузова с Лопухиным, относящейся к 1790 г., подробно обсуждался вопрос, “где больше удобностей достигать до высочайшей добродетели, посреди ли многолюдства или в уединении”.[11] В дневниковых записях и письмах Тургенева постоянно звучат упреки самому себе. Описывая свой характер, он не скупится на самые горькие оценки: “Привлекательного во мне нет. Надобно очень знать меня и любить добро, чтоб меня сносить и любить”.[12] В письме к масону С.И.Гамалее, пользовавшемуся большим авторитетом в Новиковском кружке, Тургенев писал 30 сентября 1794 г.: “Я таков же, каков и был, а прямее сказать, в некоторых случаях стал хуже еще. - Я всегда был и есм нетерпелив, вспыльчив, следовательно горд; а притом слаб”.[13]

Между тем очень сходные мотивы обнаруживаются и в многочисленных записях дневникового характера Михаила Никитича Муравьева (1757-1807), замечательного писателя-сентименталиста.[14] О его принадлежности к какой-либо масонской ложе сведений нет, но известно, как важно для него было

---

[10] Письма А.М.Кутузова И.П.Тургеневу. С.300-301.

[11] Барсков Я.Л. Переписка московских масонов XVIII века. Петроград, 1915. С.34.

[12] Этюд И.П.Тургенева “Мой характер” по рукописи полностью воспроизведен в кн.: Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания). Санкт-Петербург, 1994. С.228.

[13] Опубликовано в статье: Кочеткова Н.Д. К биографии Ивана Петровича Тургенева, друга и наставника Н.М.Карамзина / / Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. Москва, 2000. С.376.

знакомство и сотрудничество с Новиковым и его сподвижниками.[15] Муравьев посвятил два стихотворения Тургеневу, с которым его связывала многолетняя дружба, начавшаяся в юности и продолжавшаяся до конца дней (Тургенев лишь на несколько месяцев пережил Муравьева, смерть которого была для него большой утратой). В стихотворении “Дружба. К Ивану Петровичу Тургеневу” (1770?) Муравьев писал:

Вспеваю пред тобой я чувствие сердечно,
Которо нас пленит и пребывает вечно <...>[16]

Говоря о глубокой духовной близости, существовавшей между Муравьевым и Тургеневым, современный исследователь В.Н.Топоров очень верно написал: “Такие люди и такие связи между ними составляют драгоценное (хотя чаще всего и упускаемое из виду) наследие русской духовной культуры XVIII века и - более того - всей русской жизни, взятой в ракурсе человечности (“людскости”).”[17]

---

[14] Роль Муравьева в истории русской культуры наиболее полно освещена в новейшем фундаментальном исследовании: Топоров В.Н. Из истории русской литературы. Т.2. Русская литература второй половины XVIII века. М.Н.Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн.1. Москва, 2001.905 с.

[15] См.: Кулакова Л.И. Н.И.Новиков в письмах М.Н.Муравьева // Н.И.Новиков и общественно-литературное движение его времени. Ленинград, 1976. С.16-23. (XVIII век. Сборник 11). Значение масонской культуры в становлении Муравьева писателя справедливо подчеркивают современные исследователи: Тетени М. Проблемы и задачи изучения литературы сентиментализма // Hungaro-Slavica. 1983. S.329-331; Росси Л. К поэтике русского сентиментализма: отрывки //Contributi italiani al XII Congresso internazionale degli slavisti (Cracovia 26 Agosto - 3 Settembre 1998). Napoli, 1998. P.519.

[16] Муравьев М.Н. Стихотворения. Ленинград, 1967. С.83.

[17] Топоров В.Н. М.Н.Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн.1.С.776.

Именно в журнале Новикова “Утренний свет” появился прозаический этюд Муравьева “Дщицы для записывания”[18] - заметки дневникового характера, в которых размышления о прочитанных книгах и увиденных произведениях искусства соединяются с наблюдениями над человеческой психологией, над собственной внутренней жизнью. Как и писатели-масоны, он стремится разобраться в противоречивых побуждениях человека и понять себя, чтобы сделаться лучше. Ощущая скоротечность бытия, Муравьев мечтает о том, чтобы не потратить напрасно времени: не “оскорбить добродетель” и совершить как можно больше добрых дел : “Считай мгновения: каждое приходило к тебе способно поместить доброе дело”.[19] Тема времени возникала еще в философской лирике Хераскова 1760-х годов, позднее к ней обращаются и другие литераторы-масоны. Так, в одной из своих речей, относящейся, по-видимому, к 1780-м годам, Кутузов почти перефразировал отрывок из “Дщиц для записывания” Муравьева: “Старайтесь познать силу времени <...> Невозвратные суть мгновения, пролетевшие, но каждое из них, возвращаясь в вечность, несет на крыльях своих все то, что мы во время его здесь пребывания мыслили, ощущали и делали”.[20]

Подобные размышления были вполне созвучны общей направленности изданий Новикова. Достаточно упомянуть о том, что доходы от журнала “Утренний свет” и пожертвования подписчиков шли на учреждение в Петербурге двух училищ для бедных детей - Екатерининского и Александровского. После переезда Новикова в Москву в 1779 г. и создания в 1782 г. Дружеского ученого общества, объединившего ближайших его

---

[18] Утренний свет. 1778. Ч.4. Декабрь. С.368-378. Об отражении в этом произведении масонских мотивов см.: Тетени М. Раннее произведение русского сентиментализма // Studia Slavica Hungarica. 1979. XXV. P.424-425.

[19] Утренний свет. 1778. Ч.4. Декабрь. С.374.

[20] Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. 4880/XXVб.47. Л.329.

сподвижников, расширяется не только издательская, но и филантропическая деятельность масонов. Они финансируют обучение студентов, учреждают больницу и аптеку для неимущих, наконец, собирают немалые средства для помощи голодающим в неурожайный 1787 год.[21]

Все это подкрепляло те моральные наставления, которые содержались в масонских речах и публикациях, прославлявших великодушие, бескорыстие и готовность прийти на помощь обездоленным и страждущим. В слезных драмах Хераскова “Друг несчастных” (1774) и “Гонимые” (1775) главными героями оказывались “чувствительные” люди, способные сострадать“чужой нужде”, защищающие обиженных. “Краткая повесть” о “великодушном разносчике”, который помог оказавшемуся в нищете крестьянину, была напечатана в новиковском журнале “Вечерняя заря” в 1782 г. [22] Это была одна из первых в русской журналистике поучительных историй и “анекдотов” о благородном поступке, вскоре получивших широкое распространение в периодике 1790-1810-х годов. Тема благотворения занимает важное место и в творчестве Муравьева, который, в частности, писал: “Вместо того, чтоб сказать, что *долг человека есть добро делать своему ближнему*, можно с вящим успехом показать добро сие совершаемое, и благодетеля и одолженного действием; таким же образом правосудного и неправосудного, щедрого и низкого, Героя и слабого сластолюбца”.[23]

---

[21] См.: Некрасов С.М. Апостол добра: Повествование о Н.И.Новикове. Москва, 1994.С.134-137

[22] Краткая повесть. Великодушный разносчик. // Вечерняя заря. 1782. Ч.1. Апрель. С.336-341.

[23] Росси Л. Сентиментальная проза М.Н.Муравьева (Новые материалы) // XVIII век. Сборник 19. Санкт-Петербург, 1995. С.128. Уточнено по рукописи: Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф.499. № 28. Л.49-49 об.

Новиковская школа деятельной доброты, приверженцами которой становились масоны и не масоны, стремилась пробудить в согражданах гуманные, благородные чувства, обращаясь прежде всего к сердцу читателей. Совершенно особое выражение эти тенденции получили в творчестве Александра Николаевича Радищева (1749-1802), в творчестве которого явно обнаруживается сентименталистская ориентация. Известно, что Радищев в 1774 г. посещал масонскую ложу “Урания”, также занимавшуюся филантропической деятельностью, но затем отошел от масонства. [24] Тем не менее свою главную крамольную книгу “Путешествие из Петербурга в Москву” (1790), запрещенную правительством Екатерины II и послужившую причиной ареста и ссылки писателя в Сибирь, он посвятил другу юности Кутузову. Упоминая о различии их мнений “о многих вещах”, Радищев надеялся встретить понимание в главном - в отношении к “страданиям человечества”. С небывалой смелостью он говорил о нищете и бесправии крестьян, о тяготах их труда, о продаже крепостных. Участникам Новиковского кружка был чужд подобный радикализм, но в “Путешествии” Радищева было немало высказываний, которые и они вполне могли поддержать. Один из героев книги (глава “Крестьцы”) так наставлял своих сыновей: “Ходите в хижины уничижения; утешайте томящегося нищетою; вкусите его брашна, и сердце ваше усладится, дав отраду скорбящему”.[25] Призывы Радищева следовать голосу совести - “внутреннему судии”, находят непосредственные параллели в сочинениях и немецких моралистов, и их интерпретаторов - русских масонов.[26]

---

[24] См.: Рогов И.М. К вопросу о “масонстве” А.Н.Радищева // Вестник Ленинградского государственного университета. 1958. № 20. С.153-154.

[25] Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. С.-Петербург, 1992. С.51.

[26] См. подробнее: Кочеткова Н.Д. Радищев и масоны // Русская литература. 2000. № 1. С103-107.

Сотрудничество с Новиковым и его единомышленниками оказало важнейшее влияние на формирование взглядов Николая Михайловича Карамзина (1766-1826), по праву признанного главой русского сентиментализма. Как вспоминал поэт И.И.Дмитриев, в этом кружке “началось образование Карамзина, не только авторское, но и нравственное”.[27] Близким другом начинающего писателя стал деятельный масон Александр Андреевич Петров, человек разносторонне образованный, хороший переводчик. Вместе они вели редакторскую работу в журнале “Детское чтение”. История дальнейших отношений Карамзина с масонами исследована достаточно хорошо: известно, что вернувшись из путешествия по Европе в 1790 г. и приступая к изданию “Московского журнала” (1791-1792), Карамзин отошел от Новиковского кружка. Тем не менее это не было полным разрывом: сохранилась дружба с Петровым, литературные контакты с Херасковым, Лопухиным, Тургеневым; глубокое уважение и благодарность до конца дней испытывал Карамзин к Новикову.[28]

В творчестве Карамзина отсутствуют религиозно-мистические мотивы, характерные для собственно масонской литературы. Ему несравненно ближе Муравьев, чем Херасков. Тем не менее нравственные принципы, приобретенные в Новиковском кружке, были усвоены Карамзиным очень глубоко. В период издания “Московского журнала”, при всей независимости своей позиции и даже известном юношеском фрондерстве по отношению к

---

[27] Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь // Дмитриев И.И. Сочинения. С.-Петербург, 1893. Т.2. С.25.

[28] См.: Виноградов В.В. Неизвестные сочинения Н.М.Карамзина // Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. Москва, 1961. С.219-365; Кочеткова Н.Д. Идейно-литературные позиции масонов 80-90-х годов XVIII в. и Н.М.Карамзин // Русская литература XVIII века: Эпоха классицизма. Москва-Ленинград, 1964. С.176-196; Сахаров В.И. Н.М.Карамзин и вольные каменщики: историко-биографические аспекты // Масонство и русская литература XVIII - начала XIX вв. С.144-155.

недавним старшим наставникам, он создает произведения, проникнутые духом гуманизма; за внешними событиями стремится увидеть и понять внутренние побуждения людей, понять их заблуждения и слабости, по достоинству оценить их благородные поступки. Несомненная связь существовала между филантропической деятельностью масонов и повестью Карамзина “Фрол Силин, благодетельный человек” (1791), героем которой стал реальный человек - зажиточный крестьянин, помогающий неимущим.[29]

Актом большого гражданского мужества была публикация в в 1792 г. “Московском журнале” стихотворения “К Милости”, написанного Карамзиным во время политического процесса против Новикова и его сподвижников. Призывая императрицу к состраданию, писатель достаточно осторожно, но решительно высказывался в защиту попавших в беду друзей.

Культ дружбы, созданный в литературе сентиментализма, отражал представления об идеальных отношениях между людьми, но отчасти основывался также на примерах, взятых из жизни. Читатели, в свою очередь, стремились подражать литературным героям. В упрочении этого культа в России, как и в Европе, масонство сыграло немалую роль.

Люди, объединявшиеся в масонских ложах называли себя братьями. Их духовное братство предполагало взаимную помощь самого разного рода, включая и материальную. В Уставе Вольных Каменщиков говорилось: “Всякой каменьщик, какого бы исповедания християнскаго, какой бы страны или состояния ни был, есть твой брат и имеет право в твоей помощи”.[30] Тема братского сотрудничества и дружбы постоянно присутствует в масонских сочинениях. Масонские песни неизменно воспевали

---

[29] См.: Степанов В.П. Повесть Карамзина “Фрол Силин” // Державин и Карамзин в литературном движении XVIII - начала XIX века. Ленинград, 1969. С.229-244. (XVIII век. Сб.8).

[30] Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. С.265.

дружбу как основу их общества: “Мы в ложах строим дружбы трон”.[31] В одной из речей, произнесенных в московской масонской ложе “Светоносного треугольника” в начале 1780-х годов говорилось: “Дружество и любовь суть две твердые подпоры свободного каменщичества”.[32]

Участники Новиковского кружка не только восхваляли свое “братство, дружбой сопряженно”,[33] но стремились показать достоинства истинной дружбы в своих публикациях, предназначенных для широкого круга читателей. В журнале “Утренний свет” и других изданиях Новикова печатались многочисленные переводные и оригинальные статьи и стихотворения, посвященные дружбе. Эта излюбленная в литературе сентиментализма тема опять-таки объединяла литераторов-масонов и не масонов. Муравьев так определял дружбу: “Дружество есть союз чувствований, который может состоять между двумя добродетельными сердцами”.[34] В произведение “Эмилиевы письма” (1780-е годы), построенное в форме писем к другу, он включил стихотворение, начинающееся знаменательными строками: “Во друге истинном какое наслажденье!...”[35]

Дружеские послания становятся излюбленным жанром в лирике сентименталистов. При всей литературной стилизации в этих стихах находят какое-то отражение и реальные отношения между автором и адресатом. В еще большей степени это относится к дружеским посвящениям и прозаическим литературно-документальным произведениям. Примером могут служить сочинения Радищева. Он посвятил Кутузову не только

---

[31] Позднеев А.В. Ранние масонские песни // Scando-Slavica. 1962. Т.VIII. Р.41.

[32] Магазин свободно-каменщический. 1784. Т.1. Ч.1. С.85.

[33] Там же. С.140.

[34] Муравьев М.Н. Черты нравоучения // Сочинения Муравьева. С.-Петербург, 1856. Т.2. С.149.

[35] Муравьев М.Н. Стихотворения. С.233.

“Путешествие из Петербурга в Москву”, но и автобиографическое “Житие Федора Васильевича Ушакова” (1789), повествующее о годах юности, о товарищах, вместе с ним учившихся в Лейпцигском университете. Писатель обращается к человеку, с которым его связывают не только общие воспоминания, но и глубокая привязанность: “Не с удовольствием ли, мой друг,<...> воспомянешь о времени возрождения нашей дружбы, о блаженном сем союзе душ, составляющем ныне мое утешение во дни скорби, и надеяние мое для дней успокоения”.[36] Дружба подверглась серьезному испытанию, когда в 1790 г. Радищев был арестован, и Кутузов, находившийся в это время в Германии, ожидал, что и его могут ждать самые серьезные последствия. Тем не менее он с тревогой спрашивал у оставшихся в Москве масонов о судьбе своего “несчастного друга.” “Сим именем буду всегда называть его, и ежели потребуют сего, то обязуюсь сказать сие всенародно”,[37] - писал Кутузов одному из своих корреспондентов 11/22 января 1791 г. “Я разлучен от моего друга, может быть, навсегда; но дружба его пребывает со мною”,[38] - заявлял он в другом письме14/26 января 1791 г.. Так история этой дружбы воссоздается и по опубликованным художественным произведениям, и по письмам, отнюдь не предназначавшимся для печати. Расхождения во взглядах, участие или неучастие в деятельности масонских лож - все это не могло разрушить “блаженный союз душ”, которым так дорожили оба его участника.

Своего рода параллель дружбе Радищева и Кутузова представляют и отношения между Карамзиным и Петровым. Их пути внешне тоже, казалось бы, разошлись достаточно далеко. Среди разнообразных интересов Петрова масонские сочинения занимали видное место: ему принадлежат переводы нескольких книг, которыми очень дорожили в Новиковском кружке:

---

[36] Радищев А.Н. Сочинения. Москва, 1988. С204.

[37] Барсков Я. Переписка московских масонов. Петроград, 1915. С.79.

[38] Там же. С.81.

“Хризомандер, аллегорическая и сатирическая повесть” (1783), “О древних мистериях или таинствах, бывших у всех народов” (1785) И.-А.Штарка и другие. Отход Карамзина от масонского кружка не привел, однако, к его разрыву с Петровым. Продолжалась и их переписка, в которой даже постепенно произошло некоторое изменение тональности. В письмах ироничного Петрова, чувствовавшего свою роль наставника по отношению к младшему другу - Карамзину, вначале как будто даже отвергалась традиционная тема дружбы, а затем стали появляться и дружеские признания, и хвалебные отзывы о его сочинениях.[39] Безвременная кончина Петрова в 1793 г. стала большим ударом для Карамзина, литературная слава которого к тому времени уже упрочилась. Продолжением неопубликованной переписки стал прозаический этюд Карамзина, напечатанный в его альманахе “Аглая” в 1794 г. “Цветок на гроб моего Агатона” (писатель называл друга именем героя романа К.-М.Виланда). Карамзин говорит здесь о дружбе как об “искреннем сообщении душ”,[40] и эти слова напоминают сходное выражение Радищева - “блаженный союз душ”. Общее - в привычной для сентиментализма фразеологии; различие - во множестве конкретных деталей, реальных черт, в обрисовке характера друга и своих отношений с ним. Довольно подробно рассказывая о литературных интересах Петрова, о совместном с ним чтении Оссиана, Шекспира, Бонне, Карамзин совершенно не упоминает о масонских занятиях друга. После ареста Новикова и преследований московских масонов было бы весьма неосторожно затрагивать эту тему. И все-таки для читателей, знавших о давней причастности Карамзина к масонам, мог быть понятен его скрытый намек в следующей фразе: “Если когда-нибудь осмелюсь я слабым пером своим начертать *историю*

---

[39] См.: Лазарчук Р.М. Переписка Н.М.Карамзина с А.А.Петровым (К проблеме реконструкции “романа в письмах”) // XVIII век. Сборник 20. Санкт-Петербург, 1996. С.135-143.

[40] Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя: Избранная проза. Москва, 1986. С.234.

моих *мыслей*, тогда опишу, может быть, и некоторые из тех ночных бесед, в которых развивались первые мои метафизические понятия, печать молчания хранит их теперь в груди моей”.[41] Можно полагать, что “ночные беседы” с Петровым касались и переводившихся им масонских сочинений и представлений масонов о Боге, о человеке и возможностях его совершенствования.

Не сделавшись адептом масонской “науки”, Карамзин на протяжении всего своего творческого пути, обращаясь к разным жанрам и сюжетам, продолжал размышлять о тех вечных темах, которые были предметом постоянного обсуждения в Новиковском кружке: о добродетели и пороках, о заблуждениях человека и его способности к раскаянию, о пути к счастию.

Тема счастья, издавна привлекавшая к себе внимание философов и писателей всех времен, в период расцвета сентиментализма оказалась одинаково близка писателям-масонам и не масонам. Представления вольных каменщиков об истинном блаженстве и путях к нему были связаны с особенностями их нравственной философии и сохраняли свою специфику в обрядовой символике.[42] Эти представления тоже получали отражение не только в масонских речах и песнях, но и в статьях, публиковавшихся в Новиковских журналах. Так, в “Рассуждении о истинном человеческом благе”, появившемся в журнале “Вечерняя заря” утверждалось, что “истинное благо” состоит “в совершенстве нашего духа”, что “источник истинного нашего удовольствия и блаженства должен быть просвещение и добродетель”.[43] Проблемам внутреннего возрождения человека были посвящены такие произведения Хераскова, как поэма

---

[41] Там же. С.233-234.

[42] См.: Аржанухин С.В. Философские взгляды русского масонства. Екатеринбург, 1995. С.129-222.

[43] Вечерняя заря. 1782. Ч.1. Март. С190-191. В понятие “просвещение” масоны вкладывали свой особый смысл: приближение к истинной мудрости, нравственному совершенству.

“Владимир возрожденный” (1785) и его романы “Золотой прут” (1782), “Кадм и Гармония” (1789), “Полидор, сын Кадма и Гармонии” (1794). Поиски пути к обретению счастья для отдельного человека вели к созданию масонских утопических проектов “рая на земле”, возвращения “золотого века”. [44]

Ко всем этим темам одновременно обращались и писатели-сентименталисты, формально не связанные с масонством. Пленительная мечта о счастливом детстве человечества нашла отражение в одном из этюдов Муравьева - “Картина златого века. Подражание греческому рукописанию”, в котором описывались нравы древних людей: “святая правда, кротость, взаимная дружба и любовь царствовала между ими.<...> Ненавистные грехи не помрачали их совести, всегда чистой”.[45] Сходные идилличесие мотивы звучат и в повести Карамзина “Афинская жизнь” и в некоторых других его произведениях, хотя он, как известно, спорил с Ж.-Ж.Руссо (статья “Нечто о науках, искусствах и просвещении”, 1794) и после событий Французской революции весьма скептически относился к возможности осуществления утопических проектов.[46]

Размышляя о благополучии отдельного члена общества, частного человека, сентименталисты постоянно подчеркивали, что

---

[44] См.: Baehr S.L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Stanford, California, 1991. P.99-111; Сахаров В.И. Масонская проза: история, поэтика, теория // Масонство и русская литература. С.207-213.

[45] Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф.499. № 25. Лл.8-9.

[46] См.:Кросс А. Разновидности идиллии в творчестве Карамзина // Державин и Карамзин в литературном движении XVIII-начала XIX века. Ленинград, 1969. С.210-228; Лотман Ю.М. Руссо и русская культура XVIII - начала XIX века // Лотман Ю.М. избранные статьи в трех томах. Таллинн, 1992. С.86-96; Кочеткова Н.Д. Тема “золотого века” в литературе русского сентиментализма // XVIII век. Сборник 18. Санкт-Петербург, 1993. С.172-186.

счастье состоит не в богатстве, не в чинах, не в славе. В статье “Блаженство” Муравьев предлагал следующее определение: “Благополучие есть чувствование сердца, которое жило всегда в послушании природе и сохранило неповрежденную способность наслаждаться красотой ее. Простота, незлобие, приятное ощущение жизни, беспрепятственное наслаждение естественных благ, мало нужд, мало страстей, но тем более чувствований нежных и тихих, священные союзы родства, дружбы и человечества; столько труда, чтоб заставить желать спокойствия: таковы вообще понятия, которые пробуждаются во мне при слове блаженство”.[47] В этом пространном определении выдвигаются на первый план ценности жизни частной. Характерно также, что здесь ничего не говорится о религиозном чувстве счастливого человека, о его сознании выполненного долга перед Богом и людьми. Масонский идеал счастья близок сентименталистскому, но более аскетичен.

И.П.Тургенев, обращаясь к своему сыну Андрею в день его рождения 1 октября 1793 г., напутствовал его: “... Всего приличнее, чтоб ты в день рождения твоего посвящал на воспоминание слов моих, посвящал бы его размышлению, желанию, стремлению следовать по пути добродетели, Так, мой друг! Шествие по пути сему составляет истинное счастие человеческое, несмотря на то, что он устлан тернием”.[48]

Непосредственную параллель этим словам можно обнаружить и в сочинении Карамзина “Разговор о счастии” (1797). В диалоге двух друзей, Мелодора и Филалета, решается вопрос о существовании истинного счастья на земле. Здесь, как и в некоторых других произведениях писателя, звучат два голоса: один выражает его собственные внутренние сомнения, другой - опровергает их. Не без некоторой иронии спокойный и

---

[47] Сочинения Муравьева. С.Петербург, 1856. Т.2.С169-170.

[48] Тургенев И.П. Письмо к Андрею Тургеневу // Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома). Ф.309. № 542.. Л.1.

уравновешенный Филалет интересуется, не мечтает ли задумчивый Мелодор о “философском камне”. Друг отвечает: “Ты почти угадал. Я думал... о средстве быть счастливым в жизни. Это стоит философского камня”.[49] Шутливое упоминание “камня мудрых”, с помощью которого масоны-алхимики мечтали научиться превращать простые металлы в золото, казалось бы, подчеркивает решительное неприятие Карамзиным тех идей, которыми так дорожили его давние друзья по Новиковскому кружку. Однако нравственная сторона их учения, глубоко усвоенная писателем, проявляется и в “Разговоре о счастии”, завершаемом словами Филалета: “Быть счастливым есть быть верным исполнителем естественных мудрых законов; а как они основаны на общем добре и противны злу, то *быть счастливым есть... быть добрым.”.*[50]

Так важнейшие стороны философии масонов, их интерес к “внутреннему человеку”, стремление к самопознанию и самосовершенствованию, находили понимание и сочувствие у многих писателей-сентименталистов, несмотря на их скептическое отношение к обрядности вольных каменщиков, к их мистицизму. С другой стороны, светская по своему содержанию литература сентиментализма давала богатейший материал для психологических наблюдений, которым масоны придавали такое большое значение. Постоянному живому общению литераторов и даже их самой тесной дружбе не мешала корпоративность масонской организации. Неизбежные споры нередко служили стимулом для написания новых сочинений, прояснявших позицию каждого автора. Так эти две сферы - художественное творчество и масонское движение - постоянно взаимодействовали, иногда даже противоборствовали, взаимно обогащая друг друга и открывая новые перспективы для дальнейших нравственных исканий.

---

[49] Карамзин Н.М. Избранные сочинения. Москва, 1884. Ч.1. С485.

[50] Там же. С.497.